

**Международный ежегодник
по философии культуры.
1912 - 1913**

Книга I и II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М43

М43 Международный ежегодник по философии культуры. 1912 - 1913: Книга I и II
/ – М.: Книга по Требованию, 2013. – 428 с.

ISBN 978-5-458-04958-0

Издание организовала в 1910 г. группа молодых российских (С. Гессен, Ф. Степун, Н. Бубнов) и немецких философов (Р. Кронер, Г. Мелис). В Москве журнал выходил в издательстве «Мусагет», а позже – в «Товариществе Н. О. Вольфа». В Тюбингене издателем был Зибек. В первом номере было объявлено участие В. И. Вернадского, И. М. Гревса, Ф. Ф. Зелинского, Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Позже к ним присоединились А. А. Чупров и А-р И. Введенский, а Лосский и Франк вышли из журнала. В русской версии «Логоса» участвовали и иностранные философы: Г. Зиммель, Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Вёльфлин, В. Виндельбанд, Н. Гартман, П. Наторп, Б. Кроче, Э. Бутру. Журнал следовал главным образом неокантианской традиции во всех ее проявлениях. Основной была идея автономии философского знания, преобладали публикации о проблемах теории познания. «Логос» дистанцировался от философских течений, основанных на «внефилософских» началах (натурализм, психологизм, историзм, религиозная философия мистического и онтологического характера; сюда же была зачислена и русская религиозная философия). Поскольку журнал пропагандировал прежде всего немецкую философию, то с началом Первой мировой войны в 1914 г. он перестал выходить (лишь в 1925 г. в Праге была попытка возобновить издание, но дальше выпуска одного номера дело не пошло).

ISBN 978-5-458-04958-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

общераспространеннымъ мнѣніемъ, почти всегда уже устарѣло въ наукѣ. Такъ же обстоитъ дѣло и во многихъ другихъ областяхъ культуры.

Это же обстоятельство наводитъ насъ еще на одну мысль. Модныя теченія сплошь и рядомъ вполне правильно обозначаются какимъ-нибудь однимъ общимъ терминомъ. Такой терминъ, сознательно употребленный только для этой цѣли, можетъ дѣйствительно имѣть значеніе для характеристики научнаго направленія. Но и въ этомъ случаѣ онъ не можетъ, однако, выразить собою самаго существеннаго въ наукѣ данной эпохи, ибо мода, какъ «современна» и нова бы она ни была, всегда оказывается и въ наукѣ вѣчно устарѣлой. Несмотря на это, выясненіе характера такого моднаго теченія все же имѣетъ иногда большой смыслъ: оно часто помогаетъ узнать, что въ наукѣ должно быть преодолѣно. Такимъ образомъ можно, по крайней мѣрѣ, хотя бы въ отрицательномъ отношеніи яснѣе предначертать научной работѣ ея задачи въ будущемъ. На это только и претендуютъ послѣдующія замѣчанія, имѣющія въ виду одно широко распространенное философское теченіе нашихъ дней.—

Если мы попытаемся однимъ словомъ обозначить господствующія нынѣ въ средней публикѣ философскія мнѣнія, наиболѣе подходящимъ выраженіемъ окажется слово *жизнь*. Въ послѣднее время къ этому термину прибѣгаютъ все чаще и чаще. Конечно, онъ далеко не однозначенъ, но это свойство присуще большинству модныхъ словъ. Можно даже сказать: рѣдко что можетъ сдѣлаться моднымъ, не будучи въ состояніи подвергаться разнообразнѣйшимъ кривотолкованіямъ. Въ большинствѣ случаевъ подъ «жизнью» въ настоящее время понимаютъ объектъ переживанія, такъ что въ этомъ смыслѣ для современнаго человѣка важно именно «переживаніе». Затѣмъ, само собою понятно, что жизнь должна быть «пожита», откуда и вытекаетъ современный идеаль «изжитія» жизни («*Ausleben*»). Но, далѣе, въ наукѣ подразумѣваютъ подъ жизнью «живую» природу, въ противоположность мертвой, или физической, любимицѣ минувшаго вѣка. Господствовавшій тогда матеріализмъ всѣ современные модники уже презируютъ. Даже тамъ, гдѣ еще сохранилась вѣра въ «естественнонаучное міровоззрѣніе», матеріализмъ почитается окончательно похороненнымъ, и именно на томъ основаніи, что онъ игнорируетъ потокъ живой жизни, насъ окружающій. Въ различныхъ областяхъ «органическое» предпочитается механическому. Даже основныя понятія естествознанія на своеобразный ладъ оживляются—достаточно вспомнить нѣкоторыя тенденціи энергетики. Наконецъ, подъ «жизнью» понимается не только то, что лежитъ въ предѣлахъ эмпирической реальности, но даже и метафизическія проблемы пытаются

рѣшать совершенно новымъ образомъ съ помощью этого понятія. Если идея прожитія жизни придаетъ этому модному понятію «этическую» окраску, то здѣсь оно служить уже ирраціоналистическимъ или даже мистическимъ потребностямъ. Только абсолютно непосредственное, постигаемое лишь въ интуиціи помимо всякаго понятія,—есть истинная реальность. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія этого ученія, глубочайшая сущность міра непосредственно переживается или созерцается, т.-е. тоже есть «жизнь». Дѣйствительность, съ которою имѣютъ дѣло науки, падаетъ тогда до уровня простого «явленія» или становится абстрактнымъ, а потому недѣйствительнымъ, продуктомъ, имѣющимъ по сравненію съ этой пережитой жизнью лишь второстепенное значеніе.

Ко всему этому присоединяется еще одно обстоятельство, благодаря которому эти тенденціи собственно и поддаются логическому анализу. Какъ бы ни была широко-объемлюща идея непосредственной жизни, философія, претендующая на значеніе науки, еще ничего съ ней подѣлать не можетъ. Для того, чтобы идея эта развилась въ теорію жизни (*Lebenslehre*) нужно, чтобы сюда вмѣшалась наука о жизни; при этомъ кажется очевиднымъ, что для этой цѣли пригодна лишь естественно-научная біологія. И, дѣйствительно, ея понятія играютъ большую роль не только въ эмпирическомъ, но и въ метафизическомъ жизнепониманіи, не только въ теоретической, но и въ практической части «современнаго» міровоззрѣнія. Поэтому можно сказать, что модная философія нашего времени, конечно, поскольку она притязаетъ на значеніе науки, носить характеръ натуралистическаго біологізма. Слово «витализмъ» тоже подходитъ сюда, такъ какъ стремленія, выраженные въ этомъ словѣ, несомнѣнно связаны съ общеизлюбленнымъ понятіемъ жизни. Но этотъ терминъ имѣетъ и болѣе узкое, твердо установленное значеніе. Поэтому лучше говорить о біологистической модной философіи. Казалось бы, что чрезъ привлеченіе біологіи, понятіе жизни должно значительно сузиться, ибо наука эта никакого отношенія не имѣетъ, напр., къ непосредственнымъ «переживаніямъ». Но то именно и характерно, что, съ одной стороны, всѣ эти различныя пониманія слова жизнь играютъ роль въ біологически обоснованной философіи жизни, съ другой же стороны, всѣ понятія жизни въ свою очередь окрашиваются біологическимъ мышленіемъ. При томъ—и это главное—не только считается, что «жизнь» есть подлинная дѣйствительность, но также, что только біологія, какъ наука о живой природѣ, призвана рѣшать проблемы міровоззрѣнія. Стоитъ только обратить на это вниманіе,—и различныя теченія нашего времени, которыя съ перваго взгляда кажутся отдѣленными другъ отъ друга глубокой пропастью, оказываются порази-

тельно родственными между собою. Становится возможным говорить о единой модной философіи, съ которой мы и попробуемъ сначала немного ближе познакомиться.—

Рѣшающимъ моментомъ въ ней является слѣдующее. Вездѣ, гдѣ ищется міровоззрѣніе, центральнымъ понятіемъ, позволяющимъ намъ ориентироваться, является понятіе цѣнности или блага, т.-е. дѣйствительности, значеніе которой не исчерпывается только простымъ существованіемъ, но которая осуществляетъ собою цѣнность, придающую ей характеръ чего-то долженствующаго быть. Другими словами, философія желаетъ познать «смыслъ» существованія. Въ этомъ отношеніи и біологистическая модная философія не представляетъ исключенія, хотя она и не любитъ слова «цѣнность». Она вѣдь хочетъ выставить нормы для жизни. Выполнить же это безъ цѣнностей, обладающихъ значимостью и являющихся мѣрилами нормъ, невозможно. И дѣйствительно, характерной чертой современнаго біологизма является то, что онъ видитъ въ жизни не только истинно реальное бытіе, но также и благо всѣхъ благъ, являющееся единственнымъ носителемъ значащихъ цѣнностей. Всѣ цѣнности должны, слѣдовательно въ основѣ своей оказаться цѣнностями жизни, т.-е. такими цѣнностями, которыя жизни присущи только потому, что она—жизнь. Лишь обративши на это достаточное вниманіе, мы вполне поймемъ успѣхъ и широкую распространенность того мнѣнія, что только при помощи біологіи мы сможемъ, наконецъ, достигнуть истинно научнаго устроенія жизни.

Тамъ, гдѣ ищется научное обоснованіе для этой «практической» стороны біологизма и гдѣ неопредѣленный терминъ «изжитія» (Ausleben) уже не удовлетворяетъ,—пользуются прежде всего понятіями прогрессирующей (aufsteigend) и регрессирующей (niedersteigend) жизни. Въ нихъ думаютъ найти чисто біологическую цѣнностную противоположность; это мнѣніе усиливается еще особенно излюбленной привычкой употреблять выраженія «здоровье» и «болѣзнь», термины, звучащіе будто бы также чисто естественнонаучно. Біологически обоснованный идеаль, «естественная» цѣнность, опредѣляется такимъ образомъ, какъ прогрессъ здоровой жизни. Отсюда представляется возможнымъ указывать пути жизни, двигаясь исключительно въ біологически-естественнонаучной сферѣ. Сначала берется отдѣльный индивидуумъ. Его жизненность или здоровье есть цѣль его жизни. Тотъ, кто не придаетъ повышенію жизни центральнаго значенія, долженъ считаться выродившимся. Онъ собственно не долженъ жить. Его гибель означаетъ счастье, подобно уничтоженію всего болѣзненнаго. Философъ становится врачомъ, и только врачъ долженъ опредѣлять, что

хорошо и что дурно. Но онъ не можетъ ограничиться единичнымъ индивидуумомъ. Если все сводится къ культивированію здоровья, къ максимуму жизненности, то и для рода существуетъ только эта цѣль. Общество, народъ, эвентуально все человѣчество, должны возможно жизненнѣе жить. Болѣе того: лишь здоровье рода есть поистинѣ наивысшее благо, потому что безъ такового не могутъ правильно жить и отдѣльные индивидуумы. Что намъ дѣлать, чтобъ содѣйствовать прогрессу рода или человѣчества въ направленіи наибольшей жизненности,— вотъ вопросъ всѣхъ вопросовъ. Отвѣтъ на него, разумѣется, можетъ дать опять-таки только біологически ориентированная философія. Гигіена рода—ея наивысшее назначеніе.

Но гигиеной въ настоящемъ смыслѣ слова, она не можетъ оставаться. Найдя рѣшающую цѣнность жизни въ понятіяхъ здоровой, прогрессирующей, самой жизненной жизни и величайшей витальности, она, исходя изъ этого, должна уже распространить свою нормировку и на другія области, цѣнности которыхъ носятъ обыкновенно названія, звучащія совсѣмъ не біологически. Возьмемъ одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ примѣровъ: область политики. Наука объ органической жизни учитъ, что рычагъ всякаго прогресса—«естественный отборъ». Для біологизма изъ этого вытекаетъ слѣдствіе, что, въ случаяхъ, гдѣ отборъ въ своихъ дѣйствіяхъ натывается на препятствіе, общество или народъ необходимо вырождаются, т.-е. должны регрессировать въ своей жизненной силѣ и витальности. Отсюда легко вывести требованье, чтобы естественный законъ отбора, который въ то же время есть и законъ прогресса, дѣйствовалъ бы и въ государствѣ. Вопросъ не въ томъ, могутъ ли политики чему-нибудь научиться у современной теоріи развитія, а въ томъ, что именно должны они заимствовать у нея. Извѣстно, сколько уже сдѣлано было попытокъ построенія государственнаго идеала съ помощью біологическихъ понятій; и въ другихъ областяхъ не было недостатка въ такого рода стремленіяхъ.

Правда, при этомъ бросается въ глаза, что, несмотря на общую основу, имѣется немало столь разнорѣчивыхъ мнѣній относительно того, какая жизнь, съ точки зрѣнія біологіи, является правильной или нормальной. Но такія разногласія, кажется, не слишкомъ беспокоятъ біологизмъ. Со временемъ они вѣдь исчезнутъ. Въ этомъ отношеніи модная философія нашего времени обладаетъ дѣйствительно крѣпкой, «здоровой» увѣренностью, не зараженной никакимъ скептицизмомъ. Стоитъ только человѣчеству неуклонно слѣдовать руководительству науки и жизни,—и все его существованіе необходимо будетъ повышаться въ цѣнности. Въ послѣднемъ счетѣ въ повышеніи жизни лежитъ, такимъ

образомъ, смыслъ всей культуры, и отъ биологическихъ взглядовъ зависитъ стало-быть всякій культурный прогрессъ. Съ теоріями биологіи должно гармонировать не только наше мышленіе, но также наша воля, чувствованіе и дѣйствованіе. Навсегда миновали тѣ времена, когда можно было искать культурные идеалы внѣ жизни. Тогда люди были мечтателями, гнавшимися за чуждыми жизни миражами. Науки о жизни тогда еще не было. Теперь она существуетъ,—и мечтаніямъ положенъ конецъ. Только изъ понятія прогрессирующей жизни можно выводить нравственныя нормы для любви брака, семьи и воспитанія. Точно такъ же истинно-научная эстетика должна теперь прежде всего требовать живого искусства. Даже вѣра въ сверхчувственное поддерживается биологизмомъ: религія получаетъ право на существованіе, если она служитъ жизни и укрѣпляетъ народъ въ борьбѣ за существованіе. Наконецъ, нѣтъ недостатка также въ попыткахъ наставить съ помощью биологизма на правильный путь и науку, отчуждившуюся отъ жизни. Для этого достаточно только усмотрѣть ея сущность въ томъ, что она учитъ насъ мыслить міръ наиполезнѣйшимъ для нашей жизни образомъ. Вообще, только посвятивши себя цѣли повышенія жизни, мы исполняемъ наше истинно-естественное и цѣнное назначеніе. Поэтому и надо постичь всѣ культурныя цѣнности, какъ цѣнности жизни. Только такимъ образомъ превзойдемъ мы нашихъ предковъ.—

Выяснивъ общій принципъ биологистической философіи культуры, намѣтимъ теперь, какія различныя мысли развились на этой общей основѣ. Но ограничимся лишь немногими примѣрами.

Самымъ интереснымъ и до сихъ поръ наиболѣе вліятельнымъ биологистомъ является Ницше. Онъ исходитъ изъ Шопенгауэра, и этимъ мы указываемъ на одинъ изъ отдаленныхъ источниковъ современной модной философіи. Подъ «волей» Шопенгауэръ въ сущности понимаетъ то, что многіе теперь называютъ жизнью. Правда, Ницше нашелъ у него ученіе объ отрицаніи воли къ жизни. Но важно то, что онъ тѣмъ самымъ научился за самое главное считать волю къ жизни. Уже Рихардъ Вагнеръ въ своей теоріи возрожденія измѣнилъ въ этомъ направленіи Шопенгауэра. Постепенно превратилъ онъ отрицаніе въ радикально еутвержденіе. Ницше послѣдовалъ за нимъ въ этомъ, да къ тому еще присоединилось модное дарвинистическое понятіе прогресса, тоже затронувшее Ницше. Правда онъ вмѣстѣ съ Рольфомъ отвергъ дарвинистическую «борьбу за существованіе»: она производитъ лишь голодающіе виды. Настоящая воля къ жизни для него «воля къ власти», и въ нарастаніи этой воли къ жизни, въ превращеніи ея во все большую и большую силу онъ видитъ, въ концѣ

концовъ, смыслъ нашей культуры, смыслъ всего нашего существованія вообще. Цѣнности, которыя нельзя измѣрить цѣнностью живѣйшей жизни, отвергаетъ онъ во всѣхъ культурныхъ областяхъ. Достаточно вспомнить, напримѣръ, его борьбу противъ рабской морали. Мораль эта является опорой того, что не можетъ жить собственною силою, и потому она неморальна. На этомъ истинно біологистическомъ принципѣ основанъ ницшевскій морально-фанатическій «иммoralизмъ». Христіанство осуждается потому, что оно заступаетъ за слабую жизнь, которая должна погибнуть. И истина не имѣетъ цѣнности, если она не служить повышенію жизни. О наукѣ вообще нельзя судить на основаніи ея истинности или ложности, а лишь на основаніи того, поскольку она содѣйствуетъ жизненности или ее задерживаетъ. Да и «сверхчеловѣка» надо понимать, какъ самага жизненнаго человѣка, интересующагося только самой живой жизнью и осмѣивающаго, презирающаго всѣ другіе идеалы. Въ немъ, значить, воплотился «смыслъ земли». И тотъ, наконецъ, стоитъ выше всѣхъ, кто можетъ признать жизнь въ ея цѣломъ, со всѣми ея страхами и ужасами, признать ея «вѣчный круговоротъ», ибо такое признаніе является знакомъ величайшей жизненности, крѣпости и силы. Если обращать вниманіе на части ницшевскаго ученія, пріобрѣтшія особенную популярность, то его «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей» сводится въ сущности къ біологистическому принципу. Что у Ницше имѣются и другія мысли, для насъ здѣсь несущественно. Только біологистъ вошелъ въ моду.—

Но Ницше не единственный біологистъ. То, что его характеризуетъ, можно было бы назвать «аристократической» чертой, которой противостоятъ другія, болѣе «демократически» окрашенныя направленія. Но эти политическія понятія слишкомъ узки для того, чтобы отмѣтить главное различіе внутри біологистической философіи. Основное можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ. Одни чувствуютъ себя постольку настоящими учениками жизни, поскольку жизнь сама съ собою обращается расточительно. Они не боятся поэтому пренебреженія къ жизни массы во имя ея «вершинъ», т.-е. ея наиболѣе жизненныхъ экземпляровъ. Такъ приходимъ мы къ «лаеосу дистанціи», и если тогда разстояніе одного отъ многихъ, лишь въ силу разстоянія какъ такового, окрещивается именемъ «благородства», то это дѣйствительно звучитъ очень благородно. Другіе, наоборотъ, больше цѣнятъ сильныя массы, состоящія изъ наиболѣе живучихъ существъ, и восхваляютъ поэтому бережливость. Лишь раціональное употребленіе силъ приводитъ къ повышенію жизни и достиженію цѣли жизни. Такъ становится понятнымъ, что пока одни біологисты дѣйствуютъ смѣло и рѣшительно, другіе приходятъ къ возрѣ-

ніямъ, не свободнымъ отъ нѣкоторой доли филистерства и педантизма. Принципъ экономіи жизни становится руководящимъ для всего ихъ «міровоззрѣнія».

Все таки и это направленіе приходитъ иногда къ радикальнымъ выводамъ. Такъ, напр., обращаетъ оно свое біологическое оружіе противъ господствующей нынѣ въ Европѣ моногаміи. Принуждая жизненно сильныхъ мужчинъ имѣть только одну жену, законъ мѣшаетъ появленію на свѣтъ достаточно крѣпкихъ дѣтей. Лишь представители живѣйшей жизни должны способствовать размноженію человѣчества, и для этой цѣли имъ надо предоставить многихъ жизненносильныхъ женщинъ. Тому, кто не можетъ служить укрѣпленію «расы», слѣдуетъ вообще возбранять дѣторожденіе: онъ долженъ обращаться со своими половыми потребностями къ бесплоднымъ гетерамъ. Плодородныя же женщины должны имѣть лишь одного мужа, такъ какъ съ точки зрѣнія повышенія жизни всякая полиандрія безсмысленна и должна быть отвергнута. Что моногамія обладаетъ извѣстными «культурными» преимуществами не чисто жизненного свойства,—при этомъ не отрицается. Но съ біологистической точки зрѣнія о нихъ и говорить не стоитъ. Народъ долженъ—и этого основанія достаточно—бороться за существованіе съ другими народами, и онъ, несмотря на всѣ свои культурныя пріобрѣтенія, неизбѣжно погибнетъ, если не будетъ превосходить своего противника въ жизненной силѣ.

Правда, подобныя идеи представляютъ грубый примѣръ біологистическаго мышленія. Но принципъ здѣсь особенно ярко проявляется, и «этикѣ» этой нельзя отказать въ нѣкоторой доли послѣдовательности. Другіе строятъ менѣе радикально на той же основѣ. То, что привело Ницше къ идеалу одиноко блуждающей *blonden Bestie*, заставляетъ мыслителей, придерживающихся принципа экономіи жизни, превратить живучесть массъ въ мѣрило не только половой этики, но и другихъ областей жизни, даже всей культуры. Подробнѣе на этомъ останавливаться не стоитъ.

Своеобразный отпрыскъ экономического біологизма представляетъ также «философія культуры», работающая съ помощью «энергетически» оживленныхъ физическихъ понятій. Съ помощью количественнаго соотношенія массъ энергіи опредѣляетъ она то, въ чемъ слѣдуетъ искать принципа культурнаго прогресса. Чѣмъ бережливѣе жизненные существа обращаются съ энергіей, тѣмъ выше подымается культура. Можно ли вообще оправдать культурныя цѣнности, которыя нельзя подставить въ формулу, выведенную изъ соотношеній керосиновыхъ и газовыхъ лампъ,—объ этомъ вовсе не спрашивается. «*A priori*» установлено, что

настоящими благами могутъ являться массы энергіи, предоставленныя въ распоряженіе живымъ существамъ. То обстоятельство, что здѣсь культурныя цѣнности соизмѣряются не съ понятіемъ самой жизни, а съ понятіемъ энергіи, не должно обманывать относительно біологистическаго характера этой теоріи. Съ одними физическими понятіями ничего нельзя было бы подѣлать въ философіи культуры. Должны быть жизненныя существа, для жизни которыхъ бережливое употребленіе энергіи имѣетъ значеніе. Лишь благодаря понятію содѣйствія жизни идея цѣнности и вмѣстѣ съ ней культурный принципъ входятъ въ соотношенія энергій. Потому эта теорія культуры покоится всецѣло на біологистическомъ фундаментѣ. Можно даже сказать, что именно изъ-за бѣдности принципа экономической біологизмъ получилъ здѣсь свое «классическое» выраженіе, въ видѣ философіи культуры.

Мы не будемъ заниматься деталями этого «филистерскаго» направленія. Онѣ не могутъ уяснить принципа. Укажемъ еще лишь на одну область, въ которой біологизмъ экономической окраски вырисовывается, можетъ быть, страннѣе всего. Наука также совершенно серьезно разсматривается этой точкой зрѣнія, какъ сбереженіе жизненныхъ силъ. «Экономія мысли» должна стать принципомъ изслѣдованія, т.-е. знаніе тогда достигаетъ своей высшей задачи, когда ему удается обойтись наименьшимъ запасомъ понятій. Оно понимается такимъ образомъ, какъ продолженіе естественнаго процесса приспособленія. «Истинны» тѣ мысли, съ помощью которыхъ мы удобнѣе всего мыслимъ міръ и легче всего ориентуемся въ окружающей насъ дѣйствительности. Важно поэтому обвить эту дѣйствительность наивозможно простой системой понятій,—системой, въ которой имѣется все, что намъ нужно знать о дѣйствительности. Такимъ образомъ философія, по словамъ главнаго представителя этого направленія, превращается въ «мышленіе міра соотвѣтственно принципу наименьшей затраты силъ». Правда, эти идеи не новы. Уже Кантъ замѣтилъ, что можно, пожалуй, подумать, будто образованіе родовыхъ понятій «есть простой экономической примѣръ разума для сбереженія труда». Но онъ отвергнулъ, конечно, «такое себялюбивое намѣреніе», ибо «разумъ здѣсь не милости проситъ, а повелѣваетъ». Въ періодъ біологизма подобныя мнѣнія нашли многихъ приверженцевъ. «Вершины» въ этомъ направленіи достигаетъ прагматизмъ. Что онъ является формой біологизма, не требуетъ доказательства. Станнымъ покажется лишь то, что эта утилитаристическая «теорія науки» стоитъ будто бы въ связи съ мыслями Ницше, презиравшаго всякій утилитаризмъ; и понятно, что между Ницше и прагматистами—существенное различіе: въ логикѣ этихъ коммерсантовъ, спрашивающихъ о прибыли даже въ научномъ изслѣдованіи, можно

видѣть карикатуру нищевскаго біологизма. Мысль, что и познаніе должно служить повышенію жизни, обладаетъ у Ницше извѣстнымъ размахомъ. Здѣсь же все сведено на уровень тривіальной, повседневной пользы. Но несмотря на это основной принципъ всѣхъ этихъ попытокъ одинъ и тотъ же: въ оцѣнкѣ значенія культурнаго блага рѣшающимъ мѣриломъ является способствованіе жизни. Какой именно жизни способствовать,—это уже дѣло вкуса.

Въ принципиально иную сферу попадемъ мы, обратившись къ попыткамъ построенія метафизики съ помощью понятія жизни. Ницше придерживался подобныхъ тенденцій лишь въ своей юности. Впослѣдствіи онѣ казались ему слишкомъ «идеалистичными». Но нынѣ и модная философія считаетъ идеалистическое мышленіе необходимымъ. Это стало уже газетной фразой,—«жизнь» должна стать основой и новаго идеализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль эта вступаетъ въ союзъ съ столь излюбленнымъ «монизмомъ». Идеалы и культурныя цѣли, имѣвшіяся прежде, противостояли жизни, какъ нѣчто чуждое, даже враждебное ей. Это создавало напряженность, ощущавшуюся многими, какъ невыносимый дуализмъ. Напротивъ, если признать непосредственно пережитую жизнь глубочайшей сущностью міра, и если удастся изъ нея вывести смыслъ нашей жизни, то этимъ самымъ счастливо преодолевается разладъ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что мы должны дѣлать, между дѣйствительностью и идеаломъ, разладъ, разрывавшій дотолѣ міръ на части. Ссылка на возведенную въ метафизику науку объ органическомъ вноситъ въ изслѣдованіе бытія и цѣнности всего міра органическую связь. Культура получаетъ основу въ метафизическомъ существѣ. Блага ея могутъ быть поняты, какъ нарастанія и утонченія жизни самаго міра. Они необходимо вырастаютъ изъ первопричины вещей. Отсюда недалеко до поворота въ религіозную сторону. Соціальная жизнь, искусство и наука—лишь тончайшіе цвѣтки въ единой живой «богоприродѣ». И въ религіи дуализмъ окончательно побивается мыслью о всежизни Единого. Предъ непосредственнымъ переживаніемъ глубочайшей міропричины исчезаютъ всѣ грани и линіи раздѣла, проведенныя ограниченнымъ мышленіемъ. Теперь мы, опираясь на переживанія или интуицію, уже не движемся, нащупывая и боязливо соображая, вокругъ міра, а проникаемъ въ него самого, понимаемъ глубочайшую сущность его, какъ жизнь, и оправдываемъ смыслъ нашей индивидуальной жизни отождествленіемъ ея съ этой жизнью вселенной. Изъ глубинъ ея получаетъ и наше единичное существованіе величіе и размахъ, стоитъ ему лишь быть достаточно жизненнымъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что великіе умы еще раньше нахо-

дили въ такой всежизни центръ своего біологистически-телеологическаго міровоззрѣнія. Въ наше время такой выдающійся мыслитель какъ Бергсонъ *), поскольку здѣсь вообще возможна классификація, можетъ быть причисленъ къ біологистически-метафизическому монизму; или на этихъ тенденціяхъ, во всякомъ случаѣ, основанъ его настоящій громадный успѣхъ. Мы отвлекаемся здѣсь отъ того, что въ эту метафизику жизни, какъ и у Шопенгауэра, вдѣлана прагматико-біологистическая теорія знанія частныхъ наукъ. Она пріобрѣтаетъ здѣсь совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ она должна быть только частью обширной философіи, которая впрочемъ именно и не приписываетъ прагматическому мышленію способности истиннаго познанія. Непосредственное переживаніе міропричины находится вѣдѣ «за» данными наукъ, лишь вычисляющими міръ. Эта метафизика, такимъ образомъ, представляетъ по своей тенденціи прямую противоположность нѣкоторымъ разсмотрѣннымъ выше біологистическимъ направленіямъ. Но, все таки, и для нея міровая жизнь, которую, какъ ей кажется, она непосредственно переживаетъ, превращается въ ту «жизнь», которой занимается біологія, и, говоря о метафизической сущности, и она пользуется біологическими понятіями. То, что она подразумѣваетъ подъ творческой эволюціей, было бы непонятно безъ новѣйшей біологіи. Смыслъ жизни она находитъ въ *élan vital* (жизненномъ порывѣ). Для нея существенно органическое въ противоположность механическому. Объектъ непосредственно переживающей интуиціи нигдѣ рѣзко не отдѣляется отъ «жизни», противопоставляемой мертвому, т.-е. физическому бытію, и благодаря противоположности этой получающей свою «жизненность». Такъ и эта своеобразная метафизика платитъ дань модному біологистическому теченію.

Конечно, слова эти не претендуютъ на то, чтобы исчерпать ея значеніе. Какъ и въ философіи Ницше, мы разсматриваемъ здѣсь только то, что проникло въ широкіе круги. Прежде всего: мы не касаемся ея цѣнности, какъ произведенія искусства. Да и съ точки зрѣнія научной выставленіе идеи «непосредственнаго» и вытекающей отсюда «ирраціонализмъ» представляютъ собою несомнѣнно нѣчто чрезвычайно цѣнное, въ особенности для критики нѣкоторыхъ «естественно-научныхъ», въ дѣйствительности же раціоналистически-метафизическихъ догмъ, которыхъ многіе еще придерживаются съ доктринерскимъ упорствомъ. Въ противоположность всякому матеріализму, воображающему, что онъ думаетъ «монистично», сводя свое мышленіе о мірѣ къ комплексу

*) Сравни. ст. Кронера объ Анри Бергсонѣ. Логосъ I, 1, стр. 86—117.